
ОППОЗИЦИИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Доклад Института общественного
проектирования о состоянии
и перспективах политической
системы России

ОППОЗИЦИИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Государство — против теневых центров силы, демократия — против манипуляции, участие — против исключения народа из политики и экономики, капитал — против зависимости и бедности, реальная сложность — против примитивной простоты

Оппозиционная деятельность всегда упирается в отрицание, а отрицание — это ничто. Если я дурное назову дурным, то что я при этом выиграю? Если же я хорошее назову дурным, то я причиню большой вред. Потому что дело не в том, чтобы разрушить, но в том, чтобы построить нечто такое, что даст человечеству чистую радость.

Иоганн Вольфганг Гёте

Только немедленная демократизация социальной жизни решит все российские проблемы — этот тезис, продвигаемый последние два года весьма активными представителями определенного круга российских интеллектуалов и околополитических деятелей, стал своего рода паролем. Кто не согласен, тот чужой, враг просвещения, народовласти и свободы.

Этот простой тезис навязывается как основа государственной политики. Его так или иначе пропагандируют многие средства массовой информации, в первую очередь интернет-СМИ. Некоторые сотрудники ведущих телевизионных каналов были бы не прочь присоединиться к пропагандистской кампании, но редакционная политика мешает им сделать это, что ведет к жалобам, иногда открытым, на цензуру в СМИ.

Между тем тезис этот слишком упрощен, он выхолащивает всякое содержание реальных процессов и в результате становится теоретически ошибочным и практически опасным. Проведение реальной политики с опорой на него приведет к чрезвычайным негативным последствиям, и очень скоро. Но даже сегодня, когда политика все же опирается на иные основания, вред этого тезиса сказывается в том, что он смещает общественную повестку дня от насущных проблем к ложному политическому выбору, ослабляя тем самым политические и общественные институты.

С подачи реформистской элиты 1990-х у нас утвердилось весьма причудливое представление о демократии. Оно не предполагает широкого народного участия в управлении. Те, кто в России выступает сегодня за так называемую либеральную демократию, на практике понимают ее как внутриэлитную борьбу за выборные посты с использованием СМИ и умелую

манипуляцию общественным мнением. Тот, кто в данный момент оказался более умелым, тот и победил. При этом без всяких оснований подразумевается, что реформаторская элита обладает совершенно точным знанием о том, что нужно делать. Поэтому она не должна советоваться с нацией и даже объяснять ей свои намерения и действия (сейчас мало кто спорит, что именно так поступали демократы гайдаровского и последующего периодов). Неудивительно, что такая демократия не имеет сколько-нибудь широкой популярности, откуда и берется расхожее мнение: «Россия до демократии не созрела».

В более широкие круги граждан, интересующихся политикой, усилиями части элиты транслируется упрощенное представление о демократии, вроде того что есть выборы губернаторов, значит — демократия, отменили выборы губернаторов, значит — демократия подавляется.

Реальная демократия, которую общество охотно бы поддержало, основана на широком политическом участии, когда государство является формой самоуправления нации. Для ее описания выдающийся исторический социолог Чарльз Тилли использует формулу: **«Широкие, равноправные, взаимообязывающие и защищенные консультации по поводу политического курса и политических назначений»**. Под такими консультациями понимаются все парламентские и внепарламентские демократические процедуры, в ходе которых вырабатываются все значимые решения при полном равноправии сторон. Никакие формы социального неравенства и различий во взглядах не должны быть препятствием политическому и гражданскому участию, и любые точки зрения кроме экстремистских должны уважаться и учитываться. Неформальные ассоциации граждан — сети доверия — вовлекаются

в принятие решений через различные формы взаимодействия с властями всех уровней. При этом должна быть минимизирована практика влияния на принятие решений вне публичной политики.

Демократия — это в первую очередь горизонтальное взаимодействие общественных структур, которые к тому же не просто должны как-то существовать, они должны проявлять активность и действенность. Отсюда одна из основных проблем, присущая всем демократическим странам, — проблема вовлечения в политические и гражданские взаимодействия широких общественных кругов, превращения пассивного большинства в участников выработки решений. Эта проблема остро стоит в нашей стране, где элиты с давних времен и по сей день искренне уверены в неспособности широких слоев российского народа привнести в политику что-то стоящее. Расплачиваться элитам приходится отсутствием широкой социальной базы, постоянной неуверенностью в устойчивости поддержки политического курса, слабостью объединяющих страну идей и практик и в итоге — отсутствием в России современной политической нации.

Дальнейшая демократизация социальной жизни в России безусловно необходима. Запрос на демократию большей части слоев и групп общества очевиден, демократия стала «единственной игрой в городе». Однако **демократизация — сложный, тонкий и долгий процесс, он должен вестись как череда ответов на реальные вызовы, через постоянное реформирование и актуализацию повестки дня, через привлечение к содержательным общественно-политическим консультациям все новых общественных групп, одновременно изолируя и устраняя теневые центры силы и влияния.**

Особенно важно для России не пытаться, демократизируя социальную жизнь, ослаблять государство. Напротив, как мы здесь покажем, **именно сильное государство увеличивает наши шансы на достижение эффективной демократии.** Чем выше дееспособность государственных институтов, тем быстрее протекают процессы демократизации, и наоборот: все более обширные и сложные демократические обратные связи в обществе содействуют повышению дееспособности государственных институтов.

В этом докладе мы будем много ссылаться на видных западных социологов и политологов, а также на классиков. Доклад от этого может показаться несколько перегруженным. Но мы делаем это намеренно — в российском общественном мнении сегодня так много «очевидных» и принимаемых как должное, как аксиомы, политических утверждений, на самом деле являющихся ошибочными или пропагандистскими, что высказывание какой-нибудь «неочевидной» мысли требует подкрепления западным авторитетом. Иначе не избежать обвинений в самобытном почвенничестве.

Несостоявшийся уход государства

Последние тридцать лет вновь была популярной концепция небольшого слабого государства, государства — ночного сторожа. Эта мода широко распространилась, несмотря на очевидное, просто вопиющее несоответствие огромной роли современного государства в социальной жизни ведущих стран мира теоретическому посылу. Роли столь огромной, что в пору вспомнить классиков анархизма, например П. А. Кропоткина, еще сто лет назад предупреждавшего об опасности тотального характера современного государства¹. Мы не являемся последователями кн. Кропоткина и не призываем к ликвидации современного государства,

¹ «...этих стран, покрытых сложной административной сетью, где личности администраторов совершенно ступенькаются в бюрократическом рабстве и машинальном подчинении перед приказаниями, исходящими от центральной воли; этого пассивного повиновения граждан закону и этого поклонения закону, парламенту, судебной власти; этой сети школ, содержимых или руководимых государством, где преподается повиновение власти и ее обожание; этой промышленно-сти... давящей рабочего, целиком отданного государством в руки хозяев; торговли, скопляющей неслыханные состояния в руках тех, кто захватил землю, копи, пути сообщения и другие естественные богатства, и доставляющей громадные средства государству; наконец, нашей науки, которая освободив мысль, увеличила в сотни раз производительные силы человечества, но вместе с тем стремится подчинить эти силы праву сильного и государства...». П. А. Кропоткин. Великая французская революция, 1789–1793. — М.: Наука, 1979.

что стало бы катастрофой для любого развитого общества; мы лишь отмечаем парадоксальный, с трудом объяснимый разрыв между реальной ролью государства и часто звучащими утверждениями о едва ли не его отмирании.

Сбывались слова А. Гамильтона, писавшего в первом эссе в защиту партии федералистов: «Будет также забыто, что сильное правление необходимо для обеспечения безопасности свободы; что здравому и просвещенному мнению их интересы нельзя разделить, а опасные амбиции чаще скрываются за благовидной маской радителя о правах народа, чем за пугающими стремлениями к введению твердого и эффективного правления». Восторжествовала точка зрения на государство в целом как на отживающий институт, на правительство — как на второстепенную организацию. Правда, это воззрение на практике относилось в основном к «новым» и развивающимся государствам. Слишком ослаблять правительства в крупнейших мировых центрах никто не спешил. Тем не менее и там фактами стали ослабление контроля за корпорациями и снятие ряда принципиальных ограничений в финансовом секторе. В политической теории этот тренд стал доминирующим. Однако уже в 2004 году обладающий хорошей интуицией Френсис Фукуяма писал: «Та мысль, что в фокусе нашего внимания должно быть построение сильного государства, а вовсе не ограничение и уменьшение его функций, может показаться кому-то порочной. Преобладающими тенденциями в мировой политике в минувшие тридцать лет были, наряду с прочим, критика “больших правительств...”»².

Но всё уже изменилось, хотя далеко не все еще готовы это признать. В октябре 2008 года в Вашингтоне министры финансов и главы центральных банков стран финансовой «семерки» приняли план, первый из пяти пунктов которого содержал обязательство: «Использовать любые имеющиеся средства, чтобы поддерживать системно важные финансовые институты, не допуская их краха»³. Таким образом была подведена черта не только под неолиберальным периодом, эпохой государственного невмешательства на Западе. Страны, которые использовали мощь своих правительств для того, чтобы экспортировать вместе со своими достижениями (институтами, идеями, товарами и, наконец, производствами) и свои

² Ф. Фукуяма. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. — М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2007.

³ <http://www.g8.utoronto.ca/finance/fm081010.htm>.

проблемы (прежде всего падающую эффективность капитала), вынуждены были вновь обратить эту мощь внутрь. Неолиберальная точка зрения на государство как институт, теряющий свое значение, отвергнута.

«Почему нам нужна новая теория правительства» назвала свою статью 2006 года Маргарет Леви, незадолго до того оставившая пост председателя Ассоциации политической науки США. Она констатирует, что очень важные вопросы, казалось бы, решенные, вновь стали актуальны: «Мы знаем довольно много о том, что порождает эффективное правительство и почему государства терпят крах. Имеются примеры относительно эффективных и достойных правительств, но нам по-прежнему нужен план для их создания и воссоздания. Нашим следующим шагом должно быть описание того, как не допустить их провала, как воссоздать их, когда провал происходит, и как сделать так, чтобы они были восприимчивыми и ответственными перед теми, кому они должны служить. Нам больше не следует довольствоваться гоббсовским решением, правительством, которое обеспечивает только защиту от насилия. Наша цель — не только общественный порядок, но и безопасное, равноправное и процветающее общество, правительство которого пользуется заслуженной поддержкой и лояльностью своих граждан»⁴.

За последние тридцать лет в мире создано не так уж много эффективных правительств, гораздо меньше, чем появилось новых стран и обновилось политических режимов. Наверное, поэтому такого рода замечания, относящиеся прежде всего к развивающемуся миру, но имеющие значение и для развитых стран («наша цель — безопасное, равноправное и процветающее общество»), все чаще появляются в последнее время. Среди них следует отметить то, которое принадлежит известному исследователю «демократического транзита» 1980–1990-х годов Филиппе Шмиттеру: «Несмотря на неолиберальный энтузиазм относительно приватизации и глобализации, демократизация продолжает опираться на политическую единицу, способную осуществлять легитимное публичное принуждение и проводить в жизнь коллективные решения на определенной территории, то есть на государство... Все режимы в современном мире — демократические или автократические, легитимные или нелегитимные — нуждаются в

⁴ Margaret Levi, 'Why We Need a New Theory of Government', *Perspectives on Politics*. 2006. Vol. 4. No. 1, p. 7–8.

определенной степени «государственности» для своего выживания».

Мы присутствуем при интеллектуальном и политическом «возвращении государства». Кто знает, возможно, вскоре вновь предстоит от него защищаться, но пока это может восприниматься как торжество здравого смысла. Ведь, как пишет У. Истерли⁵, в 1990-е годы людям из международных институтов развития в самом деле представлялось, что по крайней мере небольшими странами можно управлять извне, силами нескольких неправительственных организаций. То есть наличие дееспособного правительства не представлялось необходимостью. А в США в то же самое время правительство еще могло себе позволить действовать достаточно незаметно, поддерживая авторитет неолиберальной теории. В 2008 году, еще в период нахождения у власти союза неоконсерваторов с неолибералами, оно уже вынуждено было начать столь активную интервенционистскую политику на внутреннем рынке, что от незаметности регулирования не осталось и следа.

В России возможности демократического государства все еще очень ограничены. И хотя в экономике государственное вмешательство считается излишним (хотя в кризис, на наш взгляд, действия правительства и Центрального банка были весьма эффективны именно вследствие масштабных денежных манипуляций), во многих областях государственной деятельности неэффективность его институтов часто очевидна.

Может показаться, что эта ограниченность определяется идеологическими причинами, как следствие все тому же либеральному пониманию государства, которое установилось после 1991 года. Наверное, политическая философия также играет свою роль. Но все же на практике мы имеем дело не просто с недостатками теории, используемой как идеологическая доктрина, а с реальными проблемами организации и функционирования управления и демократического правления.

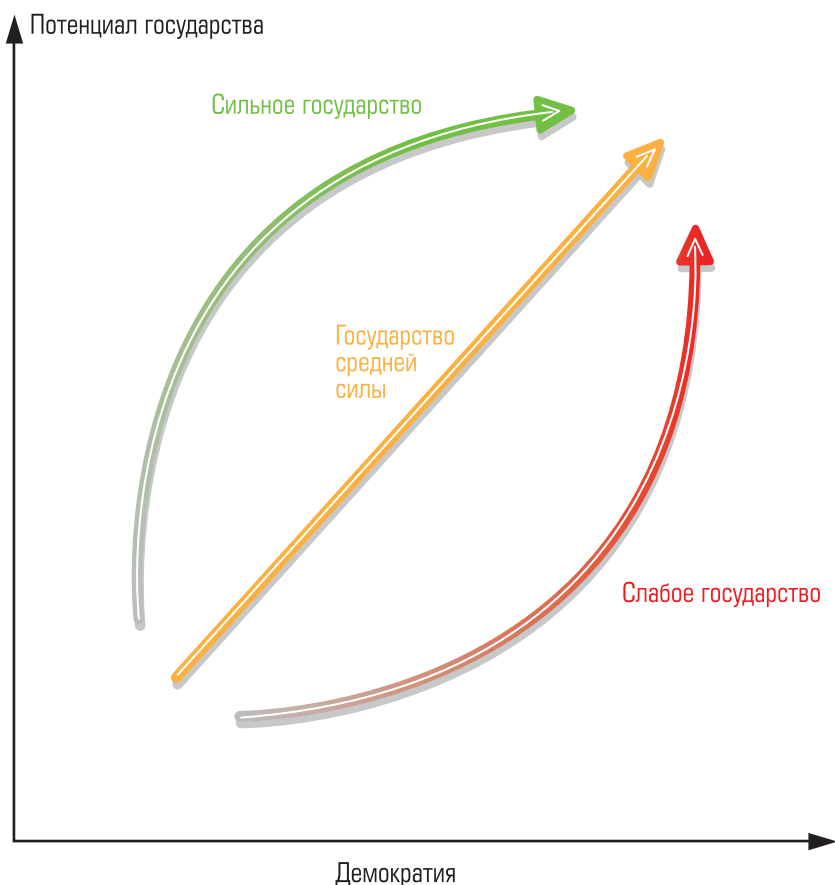
Государство и демократия: двухфакторная модель Тилли

Итак, по нашему мнению, спорить о важности государства в современных условиях довольно наивно, хотя, возможно, и романтично. Однако как соотносятся государство и демократия? Если мы признаём государство, не следует ли предполагать, что именно самодетельные устремления граждан

⁵ Истерли Уильям. *В поисках роста: Приключения и злоключения экономистов в тропиках.* — М.: Институт комплексных стратегических исследований, 2006.

Три идеальных пути к демократии

Схема 1

через разнообразные демократические институты повышают дееспособность государства, наполняют его продуктивной силой? Если это так, то надо сконцентрироваться на насаждении и развитии собственно демократических институтов в самом что ни на есть учебном смысле, например организовать выборы всех должностных лиц, допустить к деятельности любое количество политических партий и т. п. — в том духе, в каком высказывается определенная часть российских интеллектуалов. Мы попытаемся здесь доказать ошибочность этого предположения (которое, впрочем, в определенных кругах считается аксиомой) и наметим несколько иной порядок действий, ведущий одновременно и к демократизации, и к росту дееспособности государства.

Сошлемся вначале на Адама Пшеворского, который пишет: «Главная ошибка неолиберальных рецептов заключается в том, что они недооценивают роль государственных институтов в организации общественной и частной жизни групп и индивидов. Для сохранения демократии государство должно гарантировать территориальную целостность и физическую безопасность, оно должно поддерживать условия,

необходимые для эффективного осуществления гражданства, оно должно мобилизовывать государственные сбережения, координировать вложение ресурсов и корректировать распределение доходов. И чтобы государственные институты были способны выполнять эти задачи, они должны быть реорганизованы, а не просто сокращены... Демократия — это система прав и обязанностей, но условия, необходимые для их осуществления, не порождаются автоматически простым существованием демократических институтов: чтобы их осуществление было возможно, необходимо жизнеспособное государство»⁶.

Заметим, что Пшеворский фактически указывает на то, что демократия невозможна без жизнеспособного государства. Он не говорит, что демократия порождается государством, это, конечно, не так. Но существование, поддержание демократии без государства невозможно.

Это очень важное для нас утверждение. **Необходимо связывать государство, его силу, дееспособность с качеством, эффективностью демократии.**

⁶ Adam Przeworski and Group on East-South Systems Transformations, *Sustainable democracy.* Cambridge: Cambridge University Press, 1995, p. 12.

Полезную и практичную модель, связывающую дееспособность государства и эффективность демократии, предложил американский социолог Чарльз Тилли. Он рассматривал исторические траектории разных стран в этих двух координатах. Государства, согласно Тилли, тяготеют к одной из трех «идеальных траекторий»: сильного, среднего или слабого государства (схема 1)⁷.

На схеме показаны возможные переходы от архаичного состояния, когда государство слабо, а демократией и не пахнет (характерное состояние большинства европейских государств 400–500 лет назад; хотя, конечно, можно привести и примеры других состояний в те времена — в первую очередь это города-республики, государства с зачатками капитализма), к идеалу, который может быть достигнут в действующей вековой социальной парадигме (идеалы могут быть и совсем другими в иные времена): сильное государство, умеющее отвечать на вызовы, ставить цели и достигать их при эффективно работающих институтах демократии. Вблизи этой точки находятся некоторые ведущие страны мира. Реальные исторические траектории, конечно, мало похожи на эти три идеальных пути. Страны выписывают в этих координатах самые замысловатые фигуры, траектории особенно резко меняются в периоды социальных потрясений, таких как революции. Однако зоны, в которых выписываются исторические траектории, а также общее направление динамики для каждого государства склоняются к одному из типов.

Принадлежность к той или иной траектории определяет основные черты политического развития государства. И это весомая часть того небольшого, что вообще можно с определенностью сказать о государствах.

Сильные и слабые государства

Вот как характеризует эти траектории Тилли (для полноценной характеристики здесь требуется обширная объясняющая цитата): «Государственный потенциал сильного государства существенно увеличивается до того, как происходит глубокая демократизация. В результате государство вступает в область демократии, уже обладая средствами утверждения решений, принятых в ре-

⁷ Тилли, 2007, стр. 194. «В идеальном мире теоретической демократии процессы демократизации и дедемократизации предположительно развиваются по одной оси в противоположных направлениях. Но на исторических примерах... мы стремились показать, что мы живем не в идеальном мире... История не терпит прямых траекторий. Тем не менее наше исследование будет более систематизированным, если мы перейдем на время в область идеального».

зультате широких, равноправных, защищенных и взаимобязывающих процедур обсуждения по поводу политических намерений и выбора политического курса. В подобном идеализированном сценарии правители или другие политические акторы нейтрализуют независимых внутренних соперников государственной власти, управляют армией и устанавливают безусловный контроль над природными ресурсами, хозяйственной деятельностью и населением на территории государства еще до начала серьезных демократических перемен...

Сугубо теоретически, по ходу развития сильного государства политическая борьба идет главным образом за контроль над инструментами государственной власти, а не сосредотачивается на дискуссиях по отдельным вопросам или соперничестве родов и кланов. (Выделено нами. — ИнОП.)

По сравнению с сильными государствами в средних государство гораздо меньше втянуто в политическую борьбу... особенно в ранний период развития по указанной траектории...

История знала и множество слабых государств, но до недавнего времени они практически никогда не проходили демократизации. В нашем мире, где одни постоянно завоевывали других, слабым государствам отводилась участь добычи могущественных захватчиков. Однако после Второй мировой войны покровительство великих держав и международных организаций в сочетании с практикой урегулирования межгосударственных конфликтов повысило выживаемость слабых государств, ранее бывших колониями или сателлитами великих держав...

Поэтому в последние десятилетия все возрастающее число режимов переходят к демократии по траектории слабых государств. Причем в этом третьем варианте траектория развития противоположна траектории развития сильных государств: значительная демократизация предшествует сколь угодно существенному подъему потенциала государства...

По сравнению с сильными и средними государствами в слабых государствах часто возникают конфликты, причем с применением насилия, и само государство принимает в них очень ограниченное участие... Там идут в основном известные нам гражданские войны».

Чтобы воспользоваться методикой Тилли для оценки нынешнего состояния и последующего прогноза, необходимо ответить на два вопроса: к какому типу государств относится Россия — сильному, слабому или промежуточному и какова была траектория России в про-

странстве «дееспособность государства — эффективность демократии» в последние десятилетия.

Россия — объективно сильное государство

Вопрос, к какому типу государств принадлежит Россия, кажется банальным. Большинство уверенно ответит: к сильному, — даже не прибегая к анализу.

Однако что такое сильное государство? Как это понятие соотносится с дееспособностью государства или с его эффективностью, одно ли это и то же?

Сильное государство может не быть ни эффективным, ни дееспособным, но сильное государство в любом случае остается главным, доминирующим субъектом общенационально-политической системы. Часто это происходит оттого, что другие субъекты недотягивают по своей силе до того, чтобы стать контрагентами государства. Отсюда возникает тема принуждения — сильное государство для достижения своих целей часто прибегает к принуждению (конечно, пока не достигнут достаточный уровень эффективности демократии). Принуждение нередко было связано с нехваткой капитала. Решение насущных задач требовало ресурсов, в первую очередь дефицитного капитала, и этот капитал принудительно привлекался на более или менее жестких условиях. Мы вернемся ниже к этой важнейшей теме — отношения государства и капитала.

В истории многих европейских стран капитал, обладающий нужной мощностью, уравновешивал силу государства, а значит, и принуждение с его стороны было несильным. А, например, в Голландии, которая фактически была олигархической республикой, капитал обладал большей мощностью, чем государство. Отсюда и путь Голландии в схеме Тилли по траектории слабого государства.

Почти вся история России, за редким исключением вроде преодоления Смуты в 1612 году, связана с сильным государством, будь то периоды территориальной экспансии, экономического развития, выигранных войн, роста благосостояния или периоды стагнации. Факторы, определяющие силу российского государства, связаны с размерами страны — необходимостью контроля огромной территории, практически постоянные конфликты на границах и в близлежащих регионах, — а также с ее неоднородностью: экономической, этнической, религиозной и т. д.

Надо различать силу государства и его эффективность. Государство с меньшей эффективностью, естественно, тратит больше ресурсов для достижения

своих целей, а принуждение используется шире.

К траектории сильного государства относит политическое развитие России сам Тилли.

В то же время развиваться по пути сильного государства и быть сильным государством не одно и то же. Сильное по своему типу государство может в какие-то времена пребывать в состоянии слабости, разрухи и почти полного распада (как наша собственная страна совсем недавно). Напротив, слабые по типу государства могут достигать огромного влияния, величия и благосостояния населения, как например, Голландия в XVII–XXIII веках (что определялось, по видимому, беспрецедентной по тем временам мощью и эффективностью частного капитала).

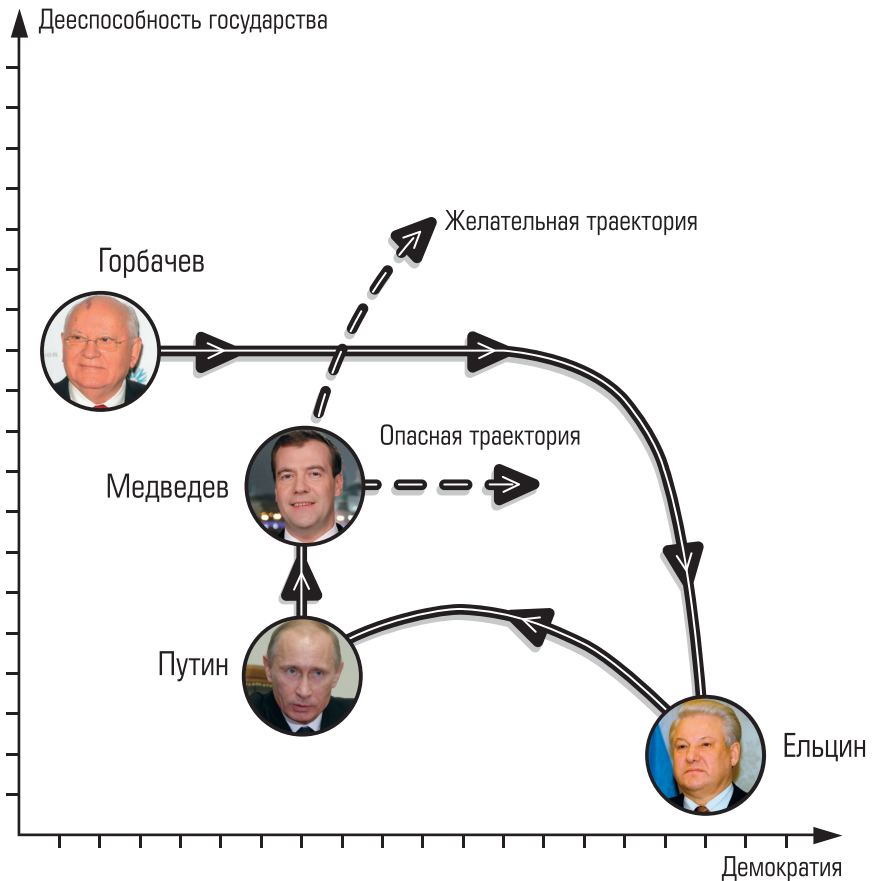
Важно понимать, что **принадлежащие к различным группам страны развиваются в политическом отношении совершенно по-разному.** Траектория сильного государства подразумевает жесткий путь (см. схему 1): первоначально усиливается потенциал государства, и лишь затем начинается смещение к демократии. То есть сначала выстраивается основная цепочка управления, а уже потом начинается повышение ее эффективности за счет усиления демократических обратных связей в системе управления. Такая модель, конечно, не предполагает, что о демократии надо забыть до тех пор, пока государство не наберет надлежащей силы. Напротив, исторический анализ показывает, что разумное освоение и усиление демократических практик ведет к росту дееспособности государства и наоборот, усиление государственных институтов (в позитивном смысле, а не в смысле подавления) благоприятствует демократизации. Эти аспекты будут разобраны ниже.

Совсем коротко остановимся на слабых государствах. Исторические примеры самостоятельного развития слабых государств очень немногочисленны. **Чаще всего развитие слабых государств, их движение к демократии идет под внешним патронажем, иногда даже в оккупационном режиме.** Здесь уместны многочисленные примеры небольших европейских государств, которые после распада советской системы получили западный патронаж. Относительно приличный уровень жизни и действующие демократические институты они получают в комплекте от Евросоюза.

Историческая траектория России с 1985 года

Разберем теперь траекторию движения России (СССР) в пространстве «дееспособность государства — эффективность демократии» с 1985 года (схема 2).

Политическая траектория СССР и России

Исходная точка 1985 года, приход к власти Михаила Горбачева, характеризуется высоким уровнем дееспособности государства и очень слабым развитием демократии. Заметим, что советское государство к этому времени уже не обладало достаточной силой, чтобы эффективно отвечать на вызовы, внутренние и внешние. Теоретически замысел перестройки выглядел разумно: с помощью демократизации раскрыть творческие силы народа (как говорил сам Горбачев), усилить тем самым государство и перейти к новому этапу развития страны. Если обратиться к схеме 2, то должно было произойти движение направо, а затем направо и вверх, по направлению к идеальной зоне. Однако контроль над демократизацией был утерян. Быстрое неуправляемое смещение вправо привело к такому падению дееспособности государства, что оно распалось и перестало существовать.

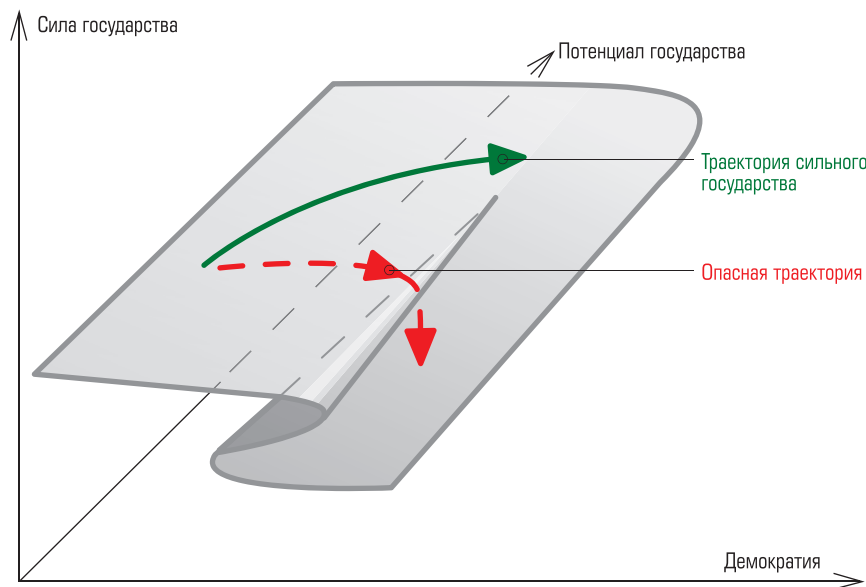
В математике скачкообразные изменения, возникающие в виде внезапного ответа системы на плавное изменение условий, называются катастрофами. В термин «катастрофа» математики не вкладывают никаких эмоциональных оценок. Пример такого явления, распад Советского Союза, мы видим на схеме.

Теория катастроф

Использование теории катастроф в модели Тилли предложено математиком Юрием Полуниным, фрагменты, связанные с этой теорией написаны им.

Теория катастроф является одной из частей более общей математической теории — качественной теории сложных нелинейных систем. Эта теория изучает общие принципы, проявляющиеся в различных ситуациях, и помогает лучше понять механизмы качественных изменений в системах. Главное достижение теории катастроф заключается в доказательстве очень малого набора сценариев качественных скачков в системах. Фактически существует малый набор универсальных сценариев качественных изменений в системах, вне зависимости от природы самой системы и степени сложности ее описания. Теория нелинейных систем — математическая дисциплина, и сама по себе она не может ни предотвратить резкое ухудшение обстановки, ни обеспечить устойчивость. Но, как любая теория, она позволяет глубже проникнуть в суть вещей, явлений и процессов реального мира.

Для дальнейшего прояснения ситуации с Россией требуется переход от упрощенного рисунка, приведенного Тилли (он сам подчеркивает, что

изображенное на схеме 1 — «из области идеального»). Фактически идеализация заключается в том, что рисунок представляет собой проекцию на плоскость из более сложного пространства. Для большей части государств такая идеализация не очень искажает реалии. Однако Россию нельзя отнести к этим государствам, для ее описания весьма важна еще одна компонента, связанная с силой государства и его мировым влиянием, — это компонента, перпендикулярная первым двум. Для описания возможных траекторий России нам нужно как минимум трехмерное пространство. Возможные траектории России в трехмерном пространстве приведены на схеме 3.

На схеме изображено трехмерное пространство, образованное осями: демократия; потенциал государства; сила государства. Представлена поверхность (фазовое пространство) на которой могут пролегать траектории изменений государственной системы управления России. Такой тип поверхности возможных траекторий образует, в терминах нелинейных систем, «особенность типа сборки». Поверхность имеет в одной части (ближней к нам) очень сильное искривление, которое постепенно уменьшается и исчезает. Траектория сильного государства проходит по верхней части поверхности, траектория государства средней силы проходит по нижнему изгибу, под поверхностью она показана пунктиром. Траектории слабых государств проходят по нижней части поверхности. Если взять проекцию на плоскость осей «потенциал государства

— демократия», то получим схему 1, приведенную Тилли.

Эта модель хорошо показывает, что произошло со страной двадцать лет назад. Она просто «упала» с одного уровня силы государства на другой, более низкий. И подобное же падение грозит нам в том случае, если в России начнут происходить демократизация, темпами, опережающими темпы увеличения дееспособности государства (движение по «опасной траектории»). Заметим, что выбираться с нижней плоскости схемы 3 очень нелегко.

Мы еще обратимся к схеме 3 при рассмотрении текущего положения дел, а пока вернемся к траектории движения страны на схеме 2.

Ельцин: частичное восстановление дееспособности, сокращение демократии

При Борисе Ельцине дееспособность государства, теперь уже Российской Федерации, а не СССР, была частично восстановлена, это очевидный факт. Но что при этом происходило с демократией? *По нашему мнению, уровень демократии снижался, причем это происходило весь период правления Ельцина.*

Уже в начале 1990-х был принят целый ряд решений, усиливающих бюрократию. Особенно показательна эта тенденция на примере Москвы, руководство которой получило беспрецедентные полномочия, стало в минимальной степени зависеть от федерального центра и полностью избавилось от парламентского контроля в лице Московской городской думы. Аналогичные процессы про-

исходили во многих регионах страны, особенно в республиках.

Предельно жесткая приватизация бывшей социалистической собственности не учитывала интересы и права абсолютного большинства населения. Возможно, иного реального способа приватизации и не было, мы здесь не делаем исторических и этических оценок, но факт игнорирования интересов большинства очевиден.

Общественное напряжение, вызванное этими и другими решениями, привело к серьезному политическому кризису осенью 1993 года. Некоторые в России считают короткий период 1992–1993 годов расцветом демократии. По нашему же мнению, требуется крайняя интеллектуальная изощренность (или извращенность), чтобы назвать расцветом демократии период, который закончился расстрелом из танков парламента страны. Повторим, мы не даем здесь оценок, мы только пытаемся называть вещи своими именами.

В последующие годы усилились и новые тенденции, снижающие уровень демократии. Резкое усиление небольшого числа предпринимателей, которые сконцентрировали в своих руках огромную часть промышленных и финансовых активов, заставило говорить о складывании в России режима, похожего на олигархию. Другое негативное явление — втягивание средств массовой информации в политическую и корпоративную борьбу. Самый впечатляющий факт — вклад телеканала НТВ (принадлежащего тогда Гусинскому) в поражение России в первой чеченской кампании.

Что касается дееспособности государства, то к концу ельцинского правления она тоже снижалась. Уже упомянутое поражение от чеченских боевиков, неспособность преодолеть экономический спад, огромная зависимость страны от внешних финансовых институтов, перманентный политический кризис (чуть ли не единственной задачей Государственной думы стал импичмент президенту), почти повсеместный приоритет региональных законов над федеральными — вот неполный перечень признаков деградации государства.

Исходя из приведенных фактов и оценок мы можем прочертить траекторию страны в ельцинский период (см. схему 2). Эта траектория состоит из двух участков. На первом участке наблюдалось повышение дееспособности государства при снижении уровня демократии, на втором — при сохранении негативной динамики демократии уровень дееспособности государства снизился, хотя и

остался на более высоком, чем в 1991 году, уровне.

Путин: ответ на вызовы

Рост дееспособности государства в период, когда Владимир Путин был президентом, представляется очевидным. Была выиграна вторая кампания в Чечне, что резко снизило риски распада страны. Был локализован разгул терроризма, хотя эта проблема окончательно до сих пор не решена. Экономика перешла к уверенному росту: доходы государственного бюджета возросли в долларовом исчислении практически в десять раз, средние реальные доходы населения выросли в три с половиной раза, капитализация российских компаний увеличилась в разы и в десятки раз (например, «Газпром» подорожал примерно с 10 млрд долларов до 350 млрд долларов на докризисном пике). Некоторые связывают экономические успехи прошедшего десятилетия исключительно с высокими ценами на нефть. Однако это очевидное заблуждение: в первые годы десятилетия, когда экономика росла на 6–8% в год, нефть стоила всего 25–30 долларов за баррель, резко дорожать она стала лишь в 2006–2007 годах. На наш взгляд, экономический успех определялся двумя факторами: восстановлением работоспособности государственных институтов и энергичной и осмысленной работой тысяч российских компаний, освоившихся в новых условиях хозяйствования.

Было восстановлено единое правовое пространство страны, все региональные законы, противоречащие федеральным, отменены.

Разгромлены два центра силы, действовавших в значительной степени независимо от государства. Первый — группа региональных руководителей («региональных баронов»), которые чувствовали себя абсолютными хозяевами на своих территориях и стремились через Совет Федерации захватить часть федеральной власти. Второй — группа олигархов, не в переносном смысле этого термина, как он используется сейчас для обозначения очень богатых людей, а в прямом, то есть бизнесменов, манипулирующих политической сферой для извлечения выгоды.

Отметим также заметно возросшее международное влияние России.

Тем не менее уровень дееспособности государства и в 2008 году (окончание президентских полномочий В. Путина), и сейчас находится ниже советского уровня тридцатилетней давности.

А что с демократией? В интеллектуальных и медийных кругах доминирует

мнение: при Путине демократии стало меньше. Обсудим это.

Очевидны факты уменьшения разнообразия, даже упрощения российской политической сферы — меньше партий, значительная предопределенность выборов на местах и в Госдуме, отмена выборов губернаторов, теперь и мэров. Отсутствие критики власти на основных (государственных!) телевизионных каналах.

Но с другой стороны, некоторое упрощение общественно-политической системы произошло вследствие решений об устранении параллельных центров силы — олигархов и «региональных баронов». С исторической точки зрения эти действия безусловно являются действиями, демократизирующими политическую систему, хотя с точки зрения обывательского интереса «веселья» становится меньше. Конечно, главные телевизионные каналы в политической части стали скучными по сравнению с временами борьбы олигархов друг с другом, с государством и с неугодными кандидатами на выборах. Однако какое отношение к демократии имеет столь бесцеремонное использование мощных СМИ?

В целом нынешнее состояние общественно-политической системы есть результат путинского ответа на вызовы, стоявшие перед страной десять лет назад, есть результат борьбы с неконституционными политическими центрами силы. Устранение этих центров силы резко снизило риски распада страны, ввело политический процесс в конституционные рамки и тем самым способствовало демократизации системы.

Вернемся к нашему графику, подведем баланс. Опасаясь осуждения либеральных кругов (хотя мы, кажется, говорили так много, что осуждения уже не избежать) и проявляя малодушие, мы чертим вертикальную линию, означающую рост дееспособности государства при сохранении уровня демократии. Хотя по справедливости, исходя из всей совокупности действий, предпринятых Путиным, следовало бы эту линию слегка наклонить вправо.

Медведев: выбор оптимальной траектории

С началом президентства Дмитрия Медведева широкое распространение в определенных интеллектуальных кругах получило ожидание «оттепели» — смягчения политического режима, которое должно было выразиться в возобновлении избрания губернаторов, допуска большого числа партий к выборам в Госдуму (снижение избирательного

барьера), смягчение порядка регистрации партий и тому подобных мерах. Шире, речь шла фактически о демонтаже политической системы, созданной в предыдущие годы («вертикали власти»). Заговорили даже о «перестройке-2» как о необходимом этапе политического развития страны.

Мы уже разбирали выше эпоху перестройки в терминах пространства «дееспособность государства — эффективность демократии». Вернемся к схеме 3. Итак, текущее положение России на нашем графике скорее ближе к левому нижнему углу, чем к идеалу в правом верхнем углу. Движение только по оси демократии μ_1 (показано стрелкой) из такого положения приведет к внезапному падению на поверхность слабых государств. При этом крайне сложно будет вернуться на поверхность сильных государств (обратный путь показан стрелками) — свалиться легко, но совершить вертикальный скачок вверх невозможно. Причем где расположена эта критическая граница сваливания, будет неизвестно до момента, когда в России произойдут необратимые качественные изменения. *В настоящих условиях маневр, повторяющий перестройку, то есть интенсификация демократизация общественно-политической сферы в надежде на быстрый позитивный, в смысле роста дееспособности, отклик государственных институтов, весьма рискован. Вполне естественная стратегия для такой ситуации — сначала уйти из опасной зоны, а затем двигаться к цели.*

Именно результаты теории катастроф являются аргументом в пользу тезиса о неустойчивости России в качестве государства средней, а тем более слабой силы. Посмотрим, как эти результаты применимы для анализа путей развития России. Возможность скачкообразного изменения в нашем государстве зависит от того, сколь далеко текущее положение России от критических точек (точек качественного изменения в системе). Формально для этого следует изучить в математических моделях зависимость устойчивости России от параметров внешней и внутренней среды, однако на практике у нас нет даже туманных соображений о том, какими моделями описывается развитие России, да и о необходимом наборе этих параметров можно спорить до бесконечности. Тем не менее даже в этой ситуации на основании результатов теории катастроф можно указать некоторые косвенные признаки того, что система находится вблизи точек возможного качественного изменения. Причем для проверки работоспособности этих

признаков применительно к нашей задаче (возможного распада государства) следует частично использовать во многом близкий к России объект — Советский Союз.

Речь идет о так называемых флагах катастроф — особенностях поведения системы, по которым можно судить о приближении критической точки или точек. «Флаги катастроф» в районе критической точки чаще всего встречаются вместе. Посмотрим на некоторые из них:

- наличие нескольких различных (устойчивых) состояний. Для России возможными состояниями является существование Российской Федерации и ее распад (переход в состояние набора слабых государств);
- существование неустойчивых состояний, из которых система выводится слабыми «толчками», — кризисы, политические (1993 год) и экономические (1998 и 2008 годы); помимо этого сама связка Медведев—Путин с точки зрения систем управления является примером неустойчивых состояний, из которых система может быть выведена «сверхслабыми толчками»;
- возможность быстрого изменения системы при малых изменениях внешних условий. Распад СССР, преемником которого является Россия, — наглядный пример такой ситуации;
- необратимость системы (невозможность вернуться к прежним условиям). Можно привести массу примеров, наиболее яркий — невозможность восстановить СССР в прежнем виде, ситуация при распаде России будет аналогичной;
- «критическое замедление», когда множество усилий не приводит к сколько-нибудь заметному изменению ситуации. Сейчас мы наблюдаем это по очень многим направлениям, от экономики до социальной среды, борьбы с коррупцией и терроризмом.

И по косвенным признакам можно утверждать, что *Россия все еще находится вблизи зоны, где возможны негативные качественные изменения.*

Еще раз о сильном государстве

Сильное государство вовсе не означает, что мы обречены на народное бесправие. Но мы обречены идти к общественному идеалу по вполне определенному пути — пути сильного государства, со всеми сопутствующими издержками. И следование по этому пути минимизирует риски.

У перехода России к типу слабого государства есть свои сторонники, и их

много. Типичное, часто встречающееся суждение: «Стать как все, как нормальные страны Европы, например Польша или Чехия».

В беседе с американским послом оппозиционер Гарри Каспаров⁸ (материалы WikiLeaks) высказывает идею о необходимости избавиться от Северного Кавказа как от тяжелого политического и экономического бремени. Это тоже типичное рассуждение сторонника перехода на траекторию слабого государства.

Можно вспомнить книгу американского исследователя Фионы Хилл, в которой она указывает на Сибирь как проклятие России. Избавление от Сибири («стать как Польша»), передача ее под международное управление, по мнению Фионы Хилл, позволит России приблизиться к европейским стандартам.

Эмоционально подобный подход многим кажется неприемлемым. Но если отбросить эмоции и сантименты вроде исторической миссии народа, у нас в последнее время не принятые, и попытаться составить план такого перехода, можно понять, что управленчески он будет более сложным, а значит, чреват новыми социальными потрясениями и международными кризисами. Проект достижения гармоничного демократического устройства по пути сильного государства выглядит гораздо более прагматичным.

Важно зафиксировать тенденцию: **в сильном государстве уровень развития демократии и уровень потенциала государства растут совместно.** То есть предложения о демократизации будут так или иначе отвергнуты политической системой, если они не сопровождаются пропорциональными предложениями об усилении дееспособности государства. Так же верно и обратное: усиление дееспособности государства должно сопровождаться демократизацией.

Демократизация без катастрофы

В чем заключается демократизация при одновременном повышении дееспособности государства в сегодняшних российских условиях? Какого рода политические решения должны приниматься и как должны действовать политические и общественные акторы, чтобы продолжить движение по траектории, нащупанной десятилетие назад?

Эти решения и действия не должны возникать из области теории, из чьих-то представлений о том, как должна

выглядеть идеальная общественно-политическая система; в конце концов, у нас есть неплохая Конституция. И тем более не должны выдвигаться требования немедленной радикальной перестройки системы («перестройки-2»). Эти решения и действия должны быть приземлены, они должны быть ответом на те реальные вызовы, которые стоят перед страной. Однако общий подход при выработке решений ясен: повышение дееспособности государства теперь во многом будет зависеть от налаживания управленческих обратных связей демократического характера.

Мы рассматриваем здесь два рода действий:

- 1) нейтрализация автономных негосударственных центров силы, подобно тому как Владимир Путин «расправился» с «региональными баронами» и олигархами;
- 2) вовлечение в публичную политику новых акторов (и активизация старых).

Опасность формирования скрытого государства

В России очень сильное отрицательное влияние на дееспособность государства, экономическое развитие и демократию оказывают неформальные структуры, организованные по принципу «патрон—клиент» и основанные на связке низовых и элитных сетей доверия (силовых и регионально-административных). Они имеют коррупционную природу, заключающуюся в приобретении покровительства в обмен на деньги и активы, и могут находиться в тесной связке с прямым криминалом. Наибольшая опасность в целом для политической системы состоит в том, что такие структуры способны переродиться в автономные центры власти в регионах, а впоследствии сформировать «скрытое государство» (феномен, хорошо известный по Турции, где с ним сейчас активно борются, Пакистану и ряду других стран).

Рейдерство является частью такого патроната. Хозяйственные субъекты, пользующиеся покровительством силовых структур и региональных администраций (до 80% регионального бизнеса, по данным журнала «Эксперт»), используют возможности своих патронов, чтобы захватывать собственность немногих свободных от покровительства компаний или тех, у кого покровительство слабее. Такие хозяйственные субъекты могут изначально находиться под контролем криминальных структур.

Последние данные говорят о том, что рейдерство распространилось гораздо шире, уже не ограничиваясь бизнесом.

⁸ Сайт журнала «Русский репортер» rusrep.ru.

Об этом было заявлено на заседании Совета по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека при президенте РФ⁹.

Особой проблемой при этом является прямое препятствование экономическому развитию. Патрон-клиентские структуры, если они не находятся в состоянии «войны», стремятся поддерживать баланс сил между собой. Возвышение одних сразу вызывает жесткую ответную реакцию других, так что его стараются не допускать, ограничивая развитие бизнеса собственных клиентов. Применение насилия сразу переносит соперничество во внеэкономическую форму и делает рыночную конкуренцию невозможной. Коррупцированные сети доверия патрон-клиентского типа жестко дестимулируют друг друга, ограничивая развитие.

Кстати, очевидно, что возврат к выборам губернаторов в такой ситуации, когда региональные элиты в значительной степени вовлечены в деятельность патрон-клиентских структур, привели бы лишь к еще большему возвышению местных «патронатов», их дальнейшей изоляции от федеральной публичной политики и фрагментации политической системы Российской Федерации. Но и без возврата к прямым губернаторским выборам фрагментация политической и хозяйственной систем России по границам региональных, а возможно, и более мелких патрон-клиентских структур представляется достаточно реальной угрозой.

В 2008 году ИнОП совместно с ЦЕССИ провел исследование «Природа и структура коррупции в России»¹⁰, в котором, в частности, были сделаны следующие выводы:

- Государство и функции государства стали в России предметом рыночных отношений, то есть произошла частичная «приватизация государства чиновничеством», или «захват государства чиновничеством». Но это явление не достигло пока уровня клептократии, то есть полного перерождения государства с превращением его в институт обогащения узкой правящей группы.
- Коррупция приводит к внутренней деформации самих государственных институтов, превращает государственные институты из формально-правовой структуры в криминальную «банду», работающую на принципах круговой поруки, а также смещает или заменяет значительные функции государственных

институтов на новые — поддержка групповых интересов, самовоспроизводство и самоподдержание системы. После таких структурных изменений институт просто не может функционировать в нужном режиме и не способен выполнять позитивные общественные функции.

В этом исследовании *коррупция в современной России интерпретируется не как «взятка за услугу», а как социальный и даже политический феномен*, как функционирование патрон-клиентской структуры, образованной низовыми сетями доверия бизнеса и элитными сетями доверия (силовыми и состоящими из членов гражданских администраций).

При этом опасность, провоцируемая слабым (или недостаточно сильным) государством состоит в том, что оно вынуждено опираться на автономные центры власти, патрон-клиентские структуры и элитные сети доверия — по сути, на скрытое государство, поскольку без их использования оно не может сколько-нибудь успешно осуществлять власть на всей территории. В этом отношении характерно высказывание губернатора Краснодарского края Александра Ткачева в связи с трагедией в станице Кущевская. «У нас в каждой станице такие банды и бандочки», — сказал тогда Ткачев, тем самым констатируя фактическую встроенность криминальных структур в систему, по крайней мере в систему муниципального управления, встроенность или даже доминирование, как в Кущевской.

Следуя такой интерпретации, приходится признать, что победить коррупцию только «методом посадок» невозможно. Необходимо разрушать сами патрон-клиентские структуры. Для этого государство должно предоставлять сетям доверия бизнеса гарантии безопасности собственности, гарантии равного доступа к государственным услугам, гарантии обеспечения рыночной конкуренции и, наконец, гарантии их прав в форме гражданских ассоциаций, интегрированных в публичную политику. В этом идеальном случае у сетей доверия бизнеса отпадет потребность в поиске покровительства.

Поправки в Уголовный кодекс, введенные в прошлом году президентом Медведевым и касающиеся содержания под стражей подозреваемых в хозяйственных преступлениях, чрезвычайно важны и чисто практически, и как указатель направления одного из ударов по патрон-клиентским сетям и рейдерству. Недаром некоторые силовые структуры немедленно откликнулись на эти поправки изданием собственных инструкций, обходящих обновленный закон. Эти

поправки оказались существенной поправкой для рейдерских схем, патронируемых силовиками.

Другой способ разрушения патрон-клиентских структур и вообще силового вмешательства в бизнес связан с существенным изменением политики государства, направленным на рост производственной мощи, о чем будет сказано ниже.

Использование гражданской активности

Важная тенденция 2010 года — рост общественно-политической активности рядовых граждан России. Здесь и акции протеста в Калининграде, и клип известного рэпера по поводу трагической аварии на Ленинском проспекте в Москве, акции синих ведерок, Химкинский лес, Кадаши, продолжение эпопеи вокруг строительства небоскреба в Петербурге, жесткое обсуждение нового Генплана Москвы, дело Егора Бычкова, протест по поводу убийства болельщика «Спартак» Юрия Волкова прошлым летом и, наконец, взрывной социальной протест после аналогичного убийства Егора Свиридова. Журнал «Эксперт», назвавший человеком 2010 года Нового Гражданина России, пишет в редакционной статье: «...практически все эти события либо лишены однозначности, либо недостаточно масштабны... в каждом деле есть свои нюансы и нравственные дилеммы. Тем не менее — в важной для нас трактовке — мы бы выделили дело Егора Бычкова и акции футбольных болельщиков. Именно в этих двух акциях наиболее наглядно проявилось, что выросшая гражданская активность направлена не против государства. Наоборот, люди так или иначе требуют возвращения государства: указывают, что государство не исполняет априори возложенные на него функции и либо пытаются заметить собой эти функции (как в деле Бычкова), не посягая на государство как таковое, либо активно требуют выполнения этих функций (как в случае с футбольными фанатами)»¹¹.

Вместе с тем гражданское общество не является субъектом политической борьбы и не должно им быть. Институты гражданского общества могут чего-то требовать, просить, проводить экспертизу, но они всегда имеют узкие интересы, которые пытаются реализовать в существующей парадигме. Если гражданские институты выходят за рамки локальных проблем, они перестают быть гражданскими, они становятся политическими институтами.

¹¹ «Эксперт», № 50, 2010 год.

⁹ <http://news.kremlin.ru/transcripts/6074>.

¹⁰ <http://www.inop.ru/page529/page519/>.

Когда «защитники Химкинского леса», не удовлетворенные повторным анализом маршрута трассы Москва—Петербург, заявляют о продолжении бескомпромиссной борьбы, вплоть до политической борьбы с режимом, они, конечно, выходят за рамки гражданской активности. И тем самым, по нашему мнению, своим неуместным радикализмом наносят вред гражданскому движению в России.

Политические партии: к адекватной повестке

Общественная палата РФ в своем отчетном докладе сопоставила общественную повестку дня 2010 года, то есть те события и тенденции, которые в наибольшей степени волновали общество, с повесткой российских политических партий. Оказалось, что *партии слабо реагируют на резонансные в общественной жизни события, не анализируют их, предлагают мало решений возникающих проблем, в минимальной степени взаимодействуют с институтами гражданского общества и не актуализируют работу парламента в соответствии с общественной повесткой*. От этого возникает ощущение оторванности сферы публичной политики от повседневной жизни людей.

Здесь кроется мощный ресурс демократизации социальной жизни. Если политические партии будут активнее взаимодействовать с гражданским обществом, «питаться» его инициативами и идеями, государственные решения, в том числе законодательные, станут более эффективными. Кроме того, такое взаимодействие позитивно отразится на общественной атмосфере, даст чувство большей значимости отдельного гражданина, субъективное ощущение свободы, наконец. Президент Медведев, представляя стандарты демократии на Ярославском политическом форуме в сентябре прошлого года, так сказал по поводу пятого стандарта: «...убежденность граждан в том, что они живут в демократическом государстве. Это, может быть, субъективная, но крайне важная вещь. Ведь какое бы определение мы ни давали демократии, сколько бы мы ни говорили о том, что у нас демократия, в том числе в России, конечно, судить о демократии каждый человек должен самостоятельно».

Каждой партии — свою долю ответственности

Как еще усилить российские политические партии? Следующий тезис был высказан одним из авторов этого доклада: «Оппозиционные партии могли бы получить свою долю ответственности,

именно ответственности, а не только права критиковать принимаемые решения. Необходимо, условно говоря, квотирование ответственности. Например, *если политическая партия получила на региональных выборах приличное число голосов, то пусть она получит определенное количество должностей (комитетов) в местном парламенте*, что, кстати, уже кое-где практикуется. Но пусть она получит и должности в исполнительной власти, тем самым разделив ответственность за состояние дел в регионе с правящей партией.

Оппозиционные партии могли бы не только критиковать действующую власть, но и готовить собственные доклады по ключевым проблемам, а местные правительству обязаны были бы на них реагировать. Речь здесь идет о региональной власти, однако в будущем подобные механизмы можно внедрять и на федеральном уровне.

Подобная более тесная связь результатов выборов и дележа должностей (если говорить цинично) дала бы активным гражданам альтернативы своего продвижения, освежила бы содержательную политическую борьбу и в конечном счете подняла бы эффективность управления. При этом доминирование ЕР было бы сохранено (конечно, если эта партия будет побеждать на выборах)¹². Такую практику можно было бы закрепить законодательно.

Усиление средств массовой информации

Подавляющее большинство российских региональных СМИ принадлежит государственным органам власти. Какая-либо осмысленная, равноправная дискуссия по региональным проблемам почти нигде не возможна. В России принято жаловаться на трудности со свободой слова на федеральном уровне. По нашему мнению, эти жалобы несколько преувеличены, но это тема отдельного большого разговора. Что же касается региональных СМИ, то здесь положение дел зачастую критическое, и начинать некую модернизацию отрасли надо скорее с регионов.

Следует законодательно запретить органам власти выступать учредителями и владеть средствами массовой информации. Президент Медведев вполне определенно высказался по этому поводу в своем послании Федеральному собранию. Как провести такую реформу, не навредив СМИ, не лишив их средств к существованию, сохранив огромное количество районных газет? — эти вопросы являются предметом серьезной дискуссии.

¹² Валерий Фадеев. *Неотвратимость*. «Эксперт», №2, 2010.

Возможно, надо переходить к новой форме управления СМИ — общественной. Форме давно обсуждаемой, но только касательно главных федеральных телевизионных каналов. Начинать надо с малого, с небольших газет или городских ТВ-каналов. Такой режим управления предполагает наличие общественного совета, который назначает главного редактора, директора и контролирует исполнение бюджета. В общественный совет входят авторитетные люди региона. Такая форма управления существует во многих странах Европы, их опыт должен быть изучен и внедрен в России.

Дееспособность государства и хозяйство страны

Десятилетие бурного экономического роста, которое мы пережили, дало свои плоды — определенный подъем промышленности, огромный рост капитализации российских компаний, усиление финансовой системы, быстрый рост доходов граждан. Однако ресурсы роста такого рода в значительной степени исчерпаны. Кризис, в котором оказалась российская экономика, не привнесен извне, это наш кризис, естественным образом завершивший довольно продолжительную фазу роста. Мировой финансовый кризис лишь подтолкнул нашу экономику, стал катализатором негативных процессов, но и без него торможение российского хозяйства было неизбежным.

Исчерпанность действующей экономической модели особенно очевидна в социальной сфере. Средний класс, тот слой, который должен доминировать в развитой стране, который задает стандарты жизни, воспринимая новое, который стабилизирует политическую жизнь, перестал расти. По разным оценкам, его доля не превысила 20–25%. Оказалось, что емкость нашей страны для среднего класса ограничена именно этим уровнем, дальше ему расти просто некуда. Нет надлежащих рабочих мест, современные сектора экономики не растут, нет качественного образования, пространство за пределами мегаполисов и крупных областных центров остается слабо развитым. *Наша экономика может дать более или менее достойную жизнь только 30 миллионам человек, остальные — лишние*.

Экономика России не обладает достаточной мощностью, чтобы решать новые политические и социальные задачи. *Необходим переход к политике развития производительных сил*.

Производительные силы страны включают в себя три составляющие.

Первая — собственно индустрия. Она должна быть мощной, иметь сложную

структуру, обеспечивать удовлетворение большей части внутреннего спроса и, конечно, иметь современное технологическое оснащение. В нашем, российском, контексте термин «модернизация» совершенно уместен в отношении огромной части промышленных отраслей. Нам требуется практически новая индустриализация, или, как иногда говорят, реиндустриализация, чтобы выйти на западный уровень производительности. Нужны, с одной стороны, большие инфраструктурные проекты, такие как развитие транспорта и жилищное строительство, с другой — увеличение производственного многообразия, которое достигается через поддержку среднего и малого бизнеса.

Вторая составляющая — инновационный сектор. Он критически важен и в экономическом отношении — через инновации самого разного свойства можно влиять на мировые тренды, а значит, становиться мировым экономическим игроком, и в социальном — именно этот сектор создает спрос на научные достижения, образование высшего уровня, связывает страну интеллектуальными нитями с другими успешными странами, влияет на образ жизни людей, делает его современным. Наконец, инновационный сектор позволяет людям реализовать свои таланты — научные, изобретательские, инженерные, предпринимательские. Проект инновационного центра в Сколково чрезвычайно важен — и как собственно технологический центр, и как политический проект, открывающий новые горизонты.

Третья составляющая — широкое распространение производительных сил по всей территории страны. Без этого страна останется неоднородно развитой в экономическом отношении, а значит, и в социальном, и в политическом. Граждане будут по-прежнему иметь неравные возможности для образования, карьеры, досуга и т. п.

По сути дела, нужно вводить третье измерение в модель Тилли — производительные силы. Именно производительная мощь страны обеспечивает высокий уровень благосостояния, качество жизни, возможности самореализации людей. Кроме того, все усложняющаяся хозяйственная жизнь требует адекватной тонкости и сложности общественно-политической системы, а значит, в конечном счете, — развитой демократии. Фактор экономического развития часто становится ключевым для демократизации политического режима. Причем речь идет именно о развитии, об усложнении экономической системы, а не про-

сто об экономическом росте, который всегда оказывается неустойчивым, если система не развивается.

Большие проекты как политическая задача

Почему не запускаются большие экономические проекты? Запуск их — задача не экономическая, а политическая. *Сложившиеся структуры влияния и принятия решений видят в больших проектах (не находящихся полностью под их контролем) опасность. Их реализация будет отнимать у них влияние, ресурсы и деньги* — просто потому, что будут подключаться новые игроки, чье влияние в ходе реализации проектов будет возрастать. Такое расширение круга заметных влиятельных участников по существу означает демократизацию хозяйственной деятельности.

Широкая география подобных проектов могла бы активизировать жизнь в соответствующих регионах, не только экономическую, но и социальную и политическую.

Вообще, многим нынешним влиятельным структурам, в том числе частным, не выгоден рост экономики через усложнение ее структур и увеличение многообразия. Простая экономика легче контролируется, в простой экономике крупным частным субъектам удобнее взаимодействовать с государственными институтами, так сказать, в эксклюзивном режиме. При этом социальные проблемы можно по-прежнему решать с помощью экспортного сырьевого сектора. Правда, для этого приходится все больше двигать структуру государственного бюджета в сторону социальных статей, а также увеличивать налоговую нагрузку на хозяйствующих агентов, но это не противоречит идее обозримой, фактически персонально контролируемой экономики.

Стремление более или менее балансировать бюджет в условиях мировой экономической нестабильности толкает на еще большее сокращение статей, нацеленных на экономическое развитие, например в части строительства инфраструктур.

Таким образом, тенденция на превращение государственного бюджета в бюджет огромного собеса хотя и удерживает контроль над системой, остающейся упрощенной, на достаточном уровне, объективно тормозит экономическое развитие, сдерживает стремление к самостоятельности там, где оно еще есть, например в среднем бизнесе, и тормозит развитие социальных институтов демократического характера.

Политика бюджетного дефицита и национальный капитал

Забрезжила опасность возникновения порочного круга, когда необходимость выполнить всевозрастающие социальные обязательства заставляет сокращать государственные инвестиции в производственную и финансовую сферы, это тормозит экономический рост, государственный бюджет растет медленно, возможности расширения социальной деятельности сокращаются. Дополнительным фактором торможения экономического роста могут стать растущие налоги на производственный сектор.

Разорвать этот втягивающий российский хозяйство в стагнацию порочный круг можно радикально — переходом к политике бюджетного дефицита.

Нынешняя политика обязательного достижения сбалансированного бюджета, а лучше — бюджета профицитного, уходит корнями в 1990-е, когда катастрофическое состояние бюджетной сферы было нормой, дефицит затыкался внешними заимствованиями, часто обременяемыми политическими требованиями, а попытка создать внутренний рынок государственных займов привела к мощному финансовому кризису 1998 года. В таком историческом контексте можно легко понять опасения и денежных властей, и политического руководства страны.

Однако против этих опасений стоит бесспорный факт: *политика модернизации, политика развития производительных сил при сегодняшней норме накопления в российской экономике 18–20% невозможна*. Инвестиционный потенциал должен быть заметен и быстро увеличен. Нынешняя финансовая политика сделать это не позволяет. Отсюда, кстати, всплывает привычный русский вопрос: кто будет платить за модернизацию? Вопрос вполне в духе традиции принуждения.

Элементарные расчеты показывают, что аккуратное проведение политики бюджетного дефицита даст значительные дополнительные денежные ресурсы, при этом долговая нагрузка останется приемлемой. Дефицит 3% ВВП при экономическом росте 7% в год (что реально, как показал докризисный период) даст за десять лет дополнительно порядка 20 трлн рублей (700 млрд долларов). Обслуживание долга под 5% годовых обойдется на конец периода в 35 млрд долларов в год, при том что только прирост ВВП за год будет составлять порядка 200 млрд долларов. Накопленный долг составит немногим более 20% ВВП, что по европейским меркам очень мало.

Одновременно необходима более решительная финансовая политика, имеющая целью доступность кредита. Жесткая финансовая политика стала тормозить развитие.

Политика бюджетного дефицита позволит снизить налоги на средний бизнес, а новая финансовая политика, сделав кредит доступнее, уменьшит капиталные затраты.

Налоги на малый бизнес вообще могут быть отменены на обозримый период. Малый бизнес играет в первую очередь социальную функцию, самозанятости, а не фискальную.

Политическая цель такого перехода — создание сильного национально-го капитала, который состоял бы не только из сырьевых или полусырьевых так или иначе контролируемых государством компаний, но из сотен средних

компаний с оборотом от 100 миллионов до нескольких миллиардов долларов (средних — по меркам ведущих стран). Мы подчеркиваем, **национального капитала**, то есть такого, который не бежит при первой возможности под иностранную юрисдикцию, который воспринимает собственную страну как базу для развития и защиты. Национальный капитал мог бы стать настоящим партнером государства в реализации проектов развития. **При этом традиционная для России, хотя и вынужденная логика принуждения отступала бы на второй план, что стало бы мощным демократизирующим фактором.** Импортировать надо не капитал (популярная сейчас идея), а технологии и специалистов. Капитал должен быть свой.

Развеем напоследок одно распространенное заблуждение. Общим местом

стал тезис о том, что большинство российских предпринимателей хочет уехать из страны из-за невыносимых условий работы: «Восемьдесят процентов российских бизнесменов сидят на чемоданах». Большое подробное социологическое исследование, опубликованное недавно в журнале «Эксперт»¹³, доказывает, что **только пять процентов (!) предпринимателей действительно всерьез хотят эмигрировать.** Эта разница (восемьдесят процентов — ходовая публичная цифра и пять процентов — цифра реальная) — наглядный символ тех заблуждений и предрассудков, которые мешают сегодня трезвому анализу российской социальной жизни и поиску действенных решений, подвигающих нас к общественному идеалу.

¹³ Анна Андреевская. *Остаться или уехать.* «Эксперт», № 48, 2010.

*Доклад подготовлен В. Фадеевым,
М. Рогожниковым, А. Механиком,
Ю. Полунинным при участии А. Смирнова*